ПОКАЯННЫЕ молитвенные размышления на все дни недели

ПЕРВОЕ (Понедельник)

Приими молитву от скверных и нечестивых уст, о Владыко всех, Человеколюбче Иисусе Христе! Не погнушайся мною как недостойным, как неразумным, как уподобившимся скотам несмысленным, — не лиши Твоего утешения бедную душу мою, которая своими делами аду приблизилась! Взыщи меня — овцу заблуждшую: нет во мне ни усердия, ни уменья, чтоб исправить себя; я ослепил себя удовольствиями плотскими, и вот душа моя помрачена, мое сердце окаменело от упоения страстями... Пред Тобою, Господи, Спасе мира, исповедаю и все горе мое, мое лукавство, мое неразумие скотское и все щедроты Твои, все утешение, все то, что Ты, Человеколюбче, творил со мною по благости Твоей!

С самого раннего возраста я уже оскорблял Тебя, не радел о добродетели, прилежал всякому злу, участвовал во всяком грехе. Но Ты, о Владыко мой, Ты не смотрел на греховность мою, по Твоим

неизреченным щедротам!.. Сыне Божий! Дерзновенно подъемлю поникшую долу главу мою, уповая на благодать Твою, но потом снова опускаю, воспомянув грехи мои; Твоя благодать влечет меня к жизни, а я стремительно бегу к смерти, ибо моя слабость, злой обычай мой влечет меня туда противу желания моего... Да, зол навык страстный; он вяжет мою мысль узами нерешимыми, и сии узы оказываются всегда мне приятными; злым навыком, как сстями, я, окаянный, опутываю сам себя и — радуюсь, будучи связан; погружаюсь в горький омут и услаждаюсь этим; ежечасно поновляет враг узы мои, а я тем веселюся... О, как велико коварство врага! Он не связывает меня узами, коих я не желаю, но всегда приносит для меня такие узы и сети, которые я сам с великим наслаждением приемлю от него; знает он, что мое греховное произволение сильнее меня, и приносит мне такие узы, какие я сам пожелаю. Вот о чем бы мне плакать и рыдать! Вот в чем мой стыд и поношение. Я скован моими же похотениями, я мог бы разбить сии оковы в одно мтновение и освободиться от всех сетей, но сам того не хочу; меня одолела слабость моя, меня поработили себе навыки страстные... И вот что еще особенно гибельно для меня, вот о чем мне должно плакать, стыдом покрываясь: я действую заодно со врагом моим; он вяжет меня, а я умерщвляю себя страстями, которые доставляют ему радость; я мог бы разбить его оковы, но не хочу; мог бы избежать его сетей, но не желаю.

Есть ли что-нибудь горестнее сего, достойнее слез и рыданий? Может ли быть что-нибудь более постыдное? Нет! Я уверен, что не может быть большего позора, как исполнять желания врага своего.

Так, в окаянстве моем, я не хочу познать уз моих; я тщательно прикрываю их каждую минуту от посторонних глаз внешним образом благоговения, но совесть моя, несмотря на то, обличает

меня, обличает всегда: почто (говорит она) не трезвишься, окаянный? Или не ведаешь, что уже при дверех страшный День Судный? Восстани и укрепись, расторгни свои узы: для тебя есть еще сила, могущая тебя вязать и разрешать! Так всегда обличает меня святая совесть; но я сам не хочу расстаться с моими сетями и оковами; я каждый день плачу и рыдаю о том, но остаюсь связанным теми же самыми страстями...

О окаянный и страстный! Я нимало не забочусь о благом преуспеянии в моей жизни, нимало не страшусь смерти, опутанный сетями. Моя наружность принимает вид благоговения в присутствии других, но душа остается скованною непристойными помыслами; по внешности я тщательно стараюсь казаться благоговейным, а по душе — я мерзок в очах божиих: лицемерно подслащаю речь мою, когда говорю с людьми, а сам исполнен горести и лукавого произволения...

Что мне делать в день Суда Божия, когда Бог откроет вся тайная на Судищи Страшном? Великий страх оковывает часто мое грешное сердце: я чувствую, что затянут узами неисчетных беззаконий момх; я знаю, что там ожидает меня мука вечная, если здесь не умолю со слезами моего Судию... Вот почему припадаю к стопам Твоим, Владыко! Не удержи щедрот Твоих во гневе Своем, Господи! Ты Сам ожидаешь моего обращения. Ты не желаешь видеть никого во огне неугасающем, ибо Ты всем человекам хощешь спастися в жизнь вечную; дерзая на человеколюбие Твое, умоляю Тебя, Иисусе Христе, Сыне Божий, призри на меня и помилуй меня!

Изведи из темницы беззаконий душу мою, да воссияет светлый луч Твой в моем помышлении — прежде, чем отойду на будущий Суд Страшный, когда уже невозможно будет покаяние во грехах... Страх объемлет меня, окаянного и многонемощного, или лучше

сказать — нечестивца: как я пойду туда, не готовый и совершенно обнаженный от всякой добродетели! Страх и трепет связуют меня, когда вижу, сколь я ленив к доброму, как обуреваюсь грешными помыслами, когда вижу, что повинуюсь бесам, которые обольщают меня сластьми на погибель... Я уподобился купцу ленивому и нерадивому, который с каждым днем теряет свой капитал и проценты; так и я, страстный, сам себя лишаю небесных благ среди многих искушений, влекущих меня на эло... Я сам чувствую, как враги окрадывают меня ежечасно, и вопреки желанию моему вовлекаюсь в постыдные помыслы, которые ненавижу... Ужасаюсь при мысли о моем элом произволении, при мысли о том, в чем оно погрешает безрассудно, страшусь, когда помышляю о моем ежедневном раскаянии, которое не имеет под собою твердого основания — в воздержании, ибо не допускает до сего враг души моей: каждый день полагаю я основание, и снова своими же руками разрушаю труды свои.

Нет, еще не положило доброго начала мое доброе покаяние, еще не видно конца моему злому нерадению! Я все еще работаю желаниям врага моего, усердно исполняя все, что он ни захочет... О, кто даст главе моей воду неиссякаемую и очам моим источник слез? Пусть бы ручьем текли сии слезы, и я всегда плакал бы пред Всещедрым Богом, дабы послал Он благодать Свою исторгнуть грешника из пучины морской, увлекающей ежечасно блудную душу мою бурными волнами греховными! Усилились злые хотения мои, они стали язвами неисцельными... Блудница оная стала вдруг целомудренною, объятая страхом Суда Божия; она возненавидела скверный грех, воспоминая будущее осуждение вечное и нестерпимые муки. А я, несчастный, молясь ежедневно противу страстей греховных, не отвращаюсь от них, но все еще остаюсь в моем злом обычае и надеюсь покаяться впоследствии... И суетным обещанием такого покаяния всегда сам себя

обманываю: всегда говорю, что каюсь, но на деле никогда не канось; на словах только каюсь со тщанием, а на деле далек от покаяния; а если еще при этом благополучно течет жизнь моя, то и вовсе забываю бренность естества моего, забываю, что грешу сознательно, и еще более погружаюсь в бездну греховную... Исав не обрел места покаянию, потому что с наглым намерением совершил грех, а не по увлечению согрешил: он и Бога не устыдился, и родителей огорчил не по заблуждению, а сознательно, и притом, что родители наставляли его во всем добром. Не обрел места покаянию и Иуда предатель, потому что согрешил, пребывая с Самим Господом, и знал, что делал, ибо имел и опыт благодати Божией... (Мф. 26, 47—50).

Итак, чего ожидать мне, окаянному, от грехов моих, сознательно мною соделанных? И если лишь помысливший злое уже уподобляется соделавшему грех, то как же я буду давать отчет в безчисленном множестве грехопадений моих? Хам, только помысливший о позоре отца, был отвержен; единомысленники Корея, еще не предпринявшие ничего худого, были поглощены землею; также погибли отнем небесным воины, посланные взять пророка Илию (4 Цар. 1, 9-12); Саул, едва сложился в помысле к идолослужению, уже был отвержен; Ахитофел, не делавший, но лишь давший совет на зло, умер во грехе своем (2 Цар. 17, 1-23); не велик был, по нашему суждению человеческому, и проступок сыновей Аароновых, однако же они поплатились за него смертию (Лев. 10, 1–2); наконец, и Сапфира, пренебрегшая покаянием, не нашла времени для покаяния (Деян. 5,1-11).

Рассматриваю дела мои и внимаю моему произволению, жду решения правды Божией и заранее признаю праведным[1] мое осуждение. Зачем я обольщаюсь напрасно своею безукоризненною внешностью? Ведь я чужд всякой действительной добродетели и всегда творю противное пред очами Самого Всевидящего

Бога? Справедливо осуждены фарисеи, обличаемые Самим Спасителем, Который называет их внешность полною лицемерия и лукавства. И со мною часто случается то же самое: я недоволен, когда обличает меня совесть моя, жестокими кажутся мне ее обличения. Да, горька истина тому, кто старается укрыться от нее.

Итак, откину мою благовидную внешность — и видны будут черви мои, сниму личину раскрашенную — и увидят люди во гробе труп разлагающийся, познают цену наших деяний— и видно будет им подобие фарисейское... А если что и сокроется здесь от взоров людских, то все искусится[2] отнем на Суде, по слову Апостола. Подай мне руку помощи, Господи, подай руку на земле валяющемуся! Хотел бы я встать, да не могу: бремя греховное давит меня, элой навык удерживает меня... Вижу, что нахомусь среди мрака, среди тьмы непроглядной: я простираю руку и — будто разбитый параличом — в одно и то же время и благодушествую, и печалюсь; молюсь об освобождении и унываю от поста; доброе произволение у меня есть, но все отчего-то спотыкаюсь; люблю я выстаивать долгие службы церковные, но не забочусь о благо-угождении Богу. Как я дерзну просить оставления прежних моих грехов, не оставляя прежнего образа жизни моей? Как совлеку с себя ветхого человека тлеющего, не отложив прежде прельщающих меня похотей? Увы мне! Как я вынесу обличение законопреступных дел моих и помышлений?

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих... (Пс. 50, 1) — уста недостойные вопиют к Тебе, Владыко, сердце нечистое, душа, грехами себя оскверниешая! Услыши меня ради благости Твоей, не отрини моления моего, ибо Ты не отвергаешь молитвы истинно кающихся... Но мое покаяние нечисто, непостоянно: я час каюсь, а потом целые дни прогневляю Тебя... Укрепи мое сердце страхом Твоим, утверди мою душу на камени покаяния, да победит благость Твоя сущую во

мне злобу; да победит свет благодати Твоей сущую во мне тьму. Склонись на молитву мою, Преблагий Господи, не ради правды моей — ибо нет во мне ничего доброго, но ради Твоих же щедрот, ради Твоей же многой и неизреченной благости! Укрепи мои члены, грехом расслабленные, просвети мое сердце, злым похотением омраченное... Сам не допускай меня до деяний греховных, дабы не низвергнул меня совсем супостат. Не отвержи мене от лица Твоего... (Пс. 50, 13), да не услышу от Тебя: «Аминь глаголю тебе — Я не ведаю тебя!»[3]

Спаси, Господи, от смерти душу скорбящую, Ты, имущий власть живота и смерти! Ты Сам сказал: просите, и дастся вам. Очисти же меня, Господи, от всякого греха прежде конца, даруй мне, Человеколюбче, в течение всей остальной недолгой жизни моей проливать от сердца слезы к очищению душевных скверн моих, дабы возмог я хотя немного здесь расплатиться по многочисленным рукописаниям грехов моих, а там спастись под покровом всесильной десницы Твоей, когда вострепещет всякая душа от страшной славы Твоей.

Ей, Владыко Господи! Сыне Божий Единородный! Услыши и причими моление грешного и недостойного раба Своего: я грешен паче всякого человека, спаси же меня — туне, даром, одною благодатию Твоене! Ибо Ты — Бог милостивый и человеколюбивый, и Тебе воссылаем славу и благодарение, и поклонение, купно со Безначальным Твоим Отцом, и Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

